

Среди демонических заклинателей хватало таких вспыльчивых натур, как Юй Жу. Стоило им услышать пару нелестных слов, как кровь мгновенно закипала в жилах. Они готовы были препираться с любым встречным три дня и три ночи напролет, пока не охрипнут, а устав от ругани — просто вырезать всю его семью до единого колена.

Но Юань Цяньчао был иного склада. Терпеливый, скрытный и беспощадный, он никогда не выдавал своих чувств, какие бы ошеломляющие вести ни долетали до его ушей, если они не касались его напрямую. Он не любил попусту марать руки. У него была четкая граница: пока ее не переступали, он отвечал лишь ледяным равнодушием. Но стоило кому-то зайти за черту — ответом становилась мгновенная смерть.

Еще тогда, в тайном царстве, промелькнувшая нить демонической ауры не укрылась от внимания Юань Цяньчао. Будучи демоническим практиком, он сразу почуял ее, но даже бровью не повел.

Эта аура то крепла, то угасала, лишенная всякой стабильности. Так не пах обычный демонический заклинатель — след тянулся скорее от того, кто лишь недавно ступил на путь тьмы или взрастил в глубине души неодолимого Синьмо.

Решил ли какой-то старейшина из праведных сект отдаться тьме, явился ли в мир новый повелитель бездны — Юань Цяньчао было плевать, кем бы ни оказался этот безумец. Пока пришелец не трогал его самого и не вредил секте Сюаньюй, это его не касалось.

Но если этим человеком был Мастер меча Цзихуа... все менялось самым кардинальным образом.

Тем временем с другой стороны...

Монах Тай Сюй, чье плечо пробило Павлинье перо, едва закончил залечивать рану. Едва поднявшись на ноги, он замер, почуяв разлившуюся в воздухе демоническую ауру. Сложив пальцы в быстром гадании, он определил направление и устремился вперед.

Но стоило ему углубиться в лесную чащу, как дорогу ему преградил один из заклинателей. Лицо бедолаги выражало крайнее смущение.

— Ма... мастер, вы тоже здесь? — испуганно залепетал он.

Тай Сюй разгневался.

— Я ищу человека, — отрезал монах.

Он попытался обойти заклинателя, но тот отчаянно вцепился ему в рукав. Тай Сюй раздраженно нахмурился, собираясь отпихнуть наглеца, но юноша, заикаясь, забормотал:

— Послушайте... мастер, вам лучше туда не ходить... и не смотреть на... это...

Тай Сюй нахмурился:

— На что именно?

Монах устремил взор вдаль и заметил толпу, собравшуюся на поляне. Там были все: Гу Юньцзюэ и Гу Фаньинь, Юань Цяньчао и Юй Жу, Ситу Чэ и Шэнь Лифэн, Цюй Цинъюэ и Мин Ю... Почти каждый, кто обладал хоть каким-то весом в мире заклинателей, стоял сейчас здесь.

Вместо того чтобы охотиться на монстров или собирать ценный Кровавый линчжи, эти люди тратили драгоценное время на зрелище. А зрелище представляло собой поверженную тварь Таоте, подле которой возились Лян Сюань и Шэнь Гумин.

Точнее, все внимание было приковано к Лян Сюаню.

Оттолкнув заклинателя, Тай Сюй решительно вклинился в толпу и пробрался в первые ряды. Увиденное заставило его лишиться дара речи.

Исполинский зверь Таоте лежал на траве, едва дыша от изнеможения, его длинный язык безвольно вывалился наружу, а из пасти тянулись липкие нити слюны. Сам же Лян Сюань наполовину залез в эту чудовищную пасть. Одной рукой он упирался в верхнюю челюсть чудища, не давая ей захлопнуться, а второй... сжимал золотой дзенский посох и методично ковырялся им глубоко в горле зверя. Стоило ему вытащить оружие, как на золотом металле повис густой шлейф мутной слизи.

Шэнь Гумин стоял шагах в трех, крепко зажав нос пальцами.

— Вы нашли его? — крикнул юноша.

Лян Сюань продолжал свое дело. Он орудовал посохом, заставляя несчастного Таоте страдать так, словно тот попал в чистилище. Не оборачиваясь, он буркнул:

— Нет еще. Если ты подойдешь и поможешь, мир рухнет, что ли?

Шэнь Гумин уставился на спину этого «белого демона», затем перевел взгляд на бьющегося в конвульсиях зверя, у которого из пасти лились реки слюны, и крепко задумался.

— А ну, живо помоги ему, — обратился он к сидевшему на его голове Тан Тянь.

— А ну, живо помоги ему.

— Ой, фу-у-у, там же так грязно! Я не хочу! — жалобно заверещал малыш.

Провозившись еще немного, Лян Сюань сердито выдохнул и с силой пнул зверя по внутренней стороне щеки:

— Да что ж ты за тварь такая упрямая! Я тебе горло уже битый час ковыряю, а ты все не выплевываешь! Мне что, внутрь залезть и дыру в твоём брюхе пробить, чтобы ты заговорил?

Несчастный Таоте проклинал тот день, когда появился на свет.

Этот сумасшедший в белом одолел его, но вместо того чтобы милосердно добить, сковал заклятием. А затем принялся истязать дзенским посохом, бесцеремонно ворочая им в пасти, словно палкой в выгребной яме. И ладно бы просто ковырялся — так ведь пинает, кости ломает и кроет бранью при честном народе!

Это было запредельно жестоко.

Чудовище безмолвно умоляло лишь об одном: пусть придет хоть кто-нибудь и подарит ему быструю смерть.

— Ладно, придется делать кесарево сечение, — пробормотал Лян Сюань.

Он выудил посох из глубин пасти и, пригнувшись, выбрался наружу. Стоило ему поднять голову, как он обнаружил, что со всех сторон на него уставились десятки потрясенных лиц.

Его взгляд лениво скользнул по толпе и замер на перекошенном от ярости лице Тай Сюя. Слегка приподняв бровь, Лян Сюань без тени смущения забросил посох обратно в разинутую пасть Таоте, а затем с силой захлопнул челюсти зверя.

— Давай, жуй, — скомандовал он.

Таоте замер в немом шоке.

Наблюдавший за этим Гу Юньцзюэ потер виски и негромко пробормотал:

— У меня аж голова разболелась от этого представления. Скажи на милость, как тебя вообще угораздило влюбиться в такое чудо природы?

Гу Фаньинь промолчала.

Действительно, за какие грехи?

— ЛЯН! ЛАН! ИНЬ!!!

Громовой рев, казалось, сотряс самые небеса. Тай Сюй вложил в этот крик всю силу своей многолетней буддийской практики. Его ладонь рванулась вперед, порождая мощный ураган, готовый стереть в порошок стоящего напротив изящного юношу в белом одеянии!

Видя это, Юань Цяньчао и Цюй Цинъюэ, стоявшие неподалеку, больше не могли оставаться в стороне.

Глава Юань среагировал мгновенно. Из кончиков его тонких пальцев хлынула плотная, как деготь, демоническая энергия, соткавшись в исполинского черного змея высотой в три человеческих роста. Тварь преградила путь разрушительному удару монаха.

Грохнул взрыв. Столкнувшиеся силы породили ударную волну. Ни один из противников не пожелал уступить, и колоссальная отдача отбросила обоих на несколько шагов назад. На губах у каждого проступили багровые капли крови.

Один занимал третье место в Списке десяти святых, другой — четвертое. Их силы были практически равны.

Глядя на то, как двое его бывших соперников сходятся в смертельной схватке и харкают кровью ради его спасения, Лян Сюань пожалел, что у него под рукой нет жареных семечек, чтобы скрасить зрелище.

Но не успел он предаться праздным мыслям, как к нему, спотыкаясь, подбежал Шэнь Гумин. Маленький бессмертный господин мертвой хваткой вцепился в его руку, словно защищая величайшее сокровище, и уставился на Тай Сюя диким, полным ненависти и настороженности взглядом.

Лян Сюань невольно улыбнулся. Ему безумно захотелось щелкнуть юношу по носу и по обыкновению раздражить своего очаровательного ученика, но монах прервал его намерения яростным окриком:

— Юань Цяньчао! Ты презренный демонический практик, которого должен карать каждый праведник! Но я уважаю твой статус лидера великой секты и дарую тебе жизнь. Прочь отсюда, пока цел!

Лицо Юань Цяньчао осталось бесстрастным, но в его голосе прозвучала злая усмешка:

— Даруешь жизнь? Будто бы ты не спишь и не видишь, как отправить меня на тот свет. Да что там говорить — на этой поляне любой, кроме учеников моей секты Сюаньюй, мечтает пустить мне кровь только потому, что я выбрал путь тьмы. Но при чем здесь Вэйцы-цзюнь? Мастер Тай Сюй, вы на глазах у всей почтенной публики пытаетесь прикончить прославленного Мастера меча Цзихуа. Каковы ваши истинные мотивы?

Слова демонического главы вызвали глухой ропот в толпе. Цюй Цинъюэ нахмурился и обратился к монаху:

— Мастер Тай Сюй, я признаю, что выходка моего младшего брата с вашим посохом переходит все границы приличия. Но в ваш удар была вложена вся смертоносная мощь без остатка. Окажись на его месте кто послабее, от его души не осталось бы и пепла. Что на самом деле заставило вас проявить столь свирепый гнев?

— Что заставило? — Голос Тай Сюя упал до могильного холода. — Спросите его сами, не предался ли он скверне демонического пути!

При этих словах лицо Цюй Цинъюэ дрогнуло от изумления. По толпе пронесся шелест испуганных перешептываний.

Юань Цяньчао лишь презрительно фыркнул:

— И вы готовы поклясться в этом, великий мастер?

— Стал бы я возводить на него напраслину! — ледяным тоном отчеканил монах.

— К чему пустые споры? Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Проверьте его, и все дела, — лениво вмешался Гу Юньцзюэ. — Лично я ни на грош не верю в его падение. Если бы Вэйцы-цзюнь действительно сошел с ума от демонического безумия, Маленький бессмертный господин уже давно бы гнил в какой-нибудь канаве под пытками, а не висел бы у него на руке мертвой хваткой.

Шэнь Гумин оторопел. Почувствовав, как десятки взглядов скрестились на нем, он опустил глаза и с ужасом осознал, что и впрямь стискивает руку Лян Сюаня с отчаянной силой. Сердце юноши пропустило удар, щеки мгновенно вспыхнули густым румянцем. Он испуганно отпрянул и поспешил скрыться за спиной наставника.

— Глядите-ка, как засмутился, — хмыкнул Гу Юньцзюэ.

Шэнь Гумин лишился дара речи.

— Что ж, поступим так, как предлагает молодой господин Гу, — задумчиво протянул Юань Цяньчао. Он смерил Шэнь Гумина долгим, нечитаемым взглядом, а затем медленно

повернулся к Лян Сюаню.

Шаг за шагом приближаясь к нему, он заглянул в это безупречно красивое лицо. Глава демонической секты посмотрел на него с опасным, завораживающим блеском.

— Мастер меча Цзихуа, прошу простить мне мою дерзость, — негромко произнес он.

Прежде чем кто-то успел опомниться, Юань Цяньчао перехватил левую руку Лян Сюаня, склонил голову и, прикрыв глаза, оставил невесомый поцелуй в самой середине его мягкой белоснежной ладони —

<http://bllate.org/book/18178/1751490>